

А. А. Бедина

ТЕМА СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В ПОЭЗИИ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО

Белорусский государственный университет, г. Минск;

aleksandra.minsk@mail.ru;

науч. рук. – Л. Л. Авдейчик, канд. филол. наук, доц.

Творчество Вениамина Блаженного только в настоящее время начинает глубоко изучаться литературоведами и представляет уникальное явление в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Вениамин Михайлович Айзенштадт состоял в переписке с Б. Пастернаком, А. Тарковским и В. Шкловским, которые очень ценили его талант. О поэзии Блаженного высоко отзывались А. Кушнер, С. Липкин, И. Лиснянская, А. Межиров. Опираясь на традиции классической русской литературы и художественные достижения модернизма, Блаженный создал самобытную, оригинальную поэзию, в основе которой – высокое духовное содержание.

Ключевые слова: Вениамин Блаженный; русскоязычная поэзия Беларуси; лирический герой; смерть; бессмертие; богопознание.

Современная поэзия... Есть ли в ней интенсивная жизнь духа, духовное пространство? Что такое настоящая поэзия? Какую роль она играет сегодня в нашей жизни? Одно из самых высоких предназначений поэзии – это становление человеческого духа. Настоящая поэзия всегда вне времени и обращена к вечности. Именно такими качествами обладает творчество белорусского русскоязычного поэта второй половины двадцатого века Вениамина Блаженного, гениальность которого признавали и Борис Пастернак, и Александр Кушнер, и Андрей Тарковский.

Вениамин Айзенштадт родился в 1921 году под Оршей в бедной еврейской семье. Во время войны работал в эвакуации учителем истории, потом 23 года трудился в инвалидной артели. За особое мировоззрение, которое не вписывалось в советскую действительность, поэт был помещен в сумасшедший дом, где полностью подорвал здоровье, но дух его не был сломлен.

Следует отметить, что выбор поэтом псевдонима Блаженный не случаен. И. С. Скоропанова особо отмечает, что «избранный Айзенштадтом псевдоним амбивалентен, полифункционален, обладает большой смысловой емкостью» [5, с. 25]. Блаженство – высшая степень счастья. В широком смысле блаженный – всякий, кто наслаждается видением Бога и

общается с Ним. Самый сложный подвиг – это юродство, или безумие ради Христа. Святые принимали облик сумасшедших, бросая вызов премудрости людской, но именно на этом сложном пути их ждало духовное прозрение и долгожданная встреча с Богом.

В качестве материала для данного исследования были выбраны стихи Вениамина Блаженного из сборника «Сораспятие» (1995). В центре художественного мира поэта находятся такие важные ценностные категории, как Бог, Вечность, Вера, Душа, Любовь, Семья. В поэзии Вениамина Блаженного границы между миром земным и небесным стерты и взаимопроницаемы, а потому смещаются привычные представления о многих реалиях бытия, но, прежде всего, – о жизни и смерти. Эти две основные темы, находившиеся тогда под официальным запретом, превращали творчество В. Блаженного в своего рода достояние для избранных, передававших его творения из рук в руки.

Как признавался сам поэт, большое влияние на него оказала идеалистическая философия предсимволиста Владимира Соловьева. Действительно, во многих стихотворениях Вениамина Блаженного можно увидеть черты такого модернистского течения, как символизм: концепция двоемирия, чувство Всеединства, эстетизация смерти, восприятие искусства как высшей реальности, использование символов как средства постижения истинной сущности окружающих явлений.

Для Вениамина Блаженного как будто не существует точки невозврата. Взгляд на смерть у Вениамина Блаженного, как и у поэтов-символистов, оптимистичен. Жизнь есть сон. Смерть – пробуждение. Умереть – значит проснуться. Во многих стихотворениях поэт описывает таинственный момент отделения души от тела и ее переход в вечность:

Душа, проснувшись, не узнает дома,
Родимого земного шалаша,
И побредет, своим путем влекома...
Зачем ей дом, когда она – душа? [3, с. 10]

Кроме того, и на земле ничто не проходит бесследно. Ушедший в иной мир человек продолжает существовать: пока его помнят и любят, он растворен в мире. Тема памяти – одна из главных в поэзии Вениамина Блаженного, и она неразрывно связана с темой смерти и бессмертия:

Я не вовсе ушел, я оставил себя в каждом облике –
Вот и недруг, и друг, и прохожий ночной человек, –
Все во мне, всюду я – на погосте, на свалке, на облаке, –
Я ушел в небеса – и с живыми остался навек. [3, с. 23]

В данном стихотворении проявляется соловьевская концепция Всеединства «Одно во всем и все в Одном»: формулировка Вениамина Блаженного «Все во мне, всюду я» – это интуитивное переживание единства всех явлений мира в лирическом «Я» и метафизической связи лирического героя со всем миром. Поэтому в мире Вениамина Блаженного нет мертвых: они живы в сознании лирического героя, и лирический герой постоянно ведет с ними диалог во сне и наяву:

Мертвец – он, как и я, **уснул** и встал –
И проводил ушедших добрым взглядом...
Пока я жив, никто не умирал.
Умершие живут со мною рядом. [3, с. 78]

Я поверю, что мертвых хоронят, хоть это нелепо,
Я поверю, что жалкие кости истлеют во мгле,
Но глаза – голубые и карие отблески неба,
Разве можно поверить, что небо хоронят в земле? [3, с. 64]

В последнем отрывке автор использует довольно масштабный и живой символ: глаза – отблески неба. Вениамин Блаженный противопоставляет Небо Земле, тем самым метафорично раскрывая тему смерти и бессмертия: образ неба, которое хоронят в земле, заставляет задуматься о душе, которой «дорог свет» и которая «по небу извелась». Поэту не верится, что он «только на гибель рожден», Блаженный верит в бессмертие человеческой души и в её связь с Богом.

Душа поэта стремится к встрече с вечностью. Лирическому герою постоянно хочется «*хлеба нездешнего – вечности*». Он чужой в мире людей, непонятый и одинокий. В поэзии Вениамина Блаженного мы проникаемся христианской тоской о потерянном рае и бессмертии:

Всё живое тоскует – **тоскую и я о бессмертье**...
Пусть бессмертье моё будет самою горшей судьбой,
Пусть одними слезами моё окрыляется сердце,
Я согласен на всё, я с надеждою свыкнусь любой. [3, с. 9]

В этом же стихотворении поэт использует библейскую аллюзию на Евангелие от Иоанна: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). У Блаженного мотив бессмертия звучит так:

...И, когда я неслышно уйду,
Я проклюнусь сквозь землю зеленым бессмысленным ликом...

[3, с. 9]

Однако одиночество лирического героя не есть безмерная пустота и холод отчуждения. В самые трагические мгновения бытия он ощущает незримое присутствие Бога в своей жизни:

Но никто никогда не бывал до конца одиноким,
Оттого-то и тяжек предсмертный мучительный вздох...
**И когда умирает бродяга на пыльной дороге,
Может, гнойные веки целует невидимый Бог.** [4]

Бродяга на дороге – интерпретация образа юродивого, самоуничтожение. Сопоставляются абсолютно разноматериальные образы: гнойные веки как элементы натурализма – и невидимый Бог, как материя высшая, такая близкая к нам, но, увы, непостижимая и невидимая.

Правда, иногда лирический герой погружается в самое горнило страданий, и душа наполняется безысходностью:

Теперь лишь смерть я называю «мама».
Мне хорошо. Я сгину без следа –
Без снов, без муки Господа, без срама...
Я не вернусь из смерти
Никогда. [4]

Здесь появляется образ матери, являющийся сквозным для лирики Блаженного. Даже за границей земного бытия мать остается для поэта воплощением жертвенности и самоотречения. Может, поэтому Вениамин Блаженный постоянно обращается к ней в своих молитвах, воскрешая в памяти ее светлый образ. Душа матери постоянно пребывает в «синеве высоты и в бездонных безднах». Мать для поэта – символ святости и милосердия. Действительно, создавая образ матери, Вениамин Блаженный как будто пишет икону. Поэт не раз подчеркивает, что у его мамы «лик», а не «лицо»:

Я матери своей запомнил лик двоякий
И слезы на лице ее святом,
Когда она брела с покорностью собаки
Искать свою обитель – райский дом. [3, с. 61]

Познавать Бога можно через созерцание красоты и гармонии мира. Но есть и другой способ – через страдания и скорбь. В своих стихотворениях Вениамин Блаженный открывает истину: обретение счастья и вечности открывается человеческой душе через слезы, страдание и сострадание:

Вот тогда-то и слезы из глаз потекут... Вот тогда-то
Заиграет живыми лучами их дивная грань:
Это грани смарагда, рубина, граната, агата –
Их гранила и в мир обронила Господняя Длань... [3, с. 63]

Идея приобщения к Богу через страдание воплощена в самом названии сборника – «Сораспятье». Приставка с- (со-) обозначает совместность,

общность, взаимосвязь. В неологизме «сораспятие» угадывается образ креста, который является символом страдания. Но Христос не один. Лирический герой пытается взять часть его боли. Он вместе с Богом проходит крестный путь. Именно вера спасает от смерти и страха небытия. Душа поэта постоянно пребывает в предстоянии. Лирический герой видит присутствие Бога во всем и уже ничего не боится, даже смерти:

И когда я в овраге на голой земле околею,

Что же, – с Господом-Богом не страшно и околевать!.. [4]

Христианская идея бессмертия и милости Божией оказываются неразрывно связанными друг с другом в текстах поэта. По мысли Вениамина Блаженного, именно сострадание миру и сораспятие со Христом ведет к бессмертию и вечной жизни:

Я однажды уйду в долгожданный покой,

В пресвятую обитель погоста,

Где Господь меня тронет своею рукой, –

Долгожданного мертвого гостя.

Я не стану заранее тревожить судьбу

И гадать о грядущем заранее,

Но я знаю, что буду я жить и в гробу,

Что бессмертно мое состраданье... [3, с. 273]

Библиографические ссылки

1. *Аверьянов В.* Житие Вениамина Блаженного // Вопросы литературы. 1994. № 6. С. 64.
2. *Бек Т.* Скиталец духа (послесловие к книге «Вениамин Блаженный. Стихотворения»). URL: <http://www.agion.ru/bcontent.php?bookyear=&name=10&idx=741> (дата обращения: 20.04.2021).
3. *Блаженный В.* Сораспятие. Минск : ООО «Олегран», ООО «Итекс», 1995.
4. *Блаженный В.* Стихотворения 1943–1997 гг. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/blazhenny1-1.html> (дата обращения: 21.04.2021)
5. *Скоропанова И. С.* Семантика псевдонима Вениамина Блаженного // По ступеням света: К 90-летию Вениамина Блаженного: Сб. статей. Минск: Право и экономика, 2012. С. 19–25.